

ЧЕМУ МНЕ ТОЛЬКО В ШКОЛЕ УЧИТЬ?

Александр Мурашов, профессор, доктор филологических наук

Конечно, «всякая вещь стоит ровно столько, сколько за неё дают». Но если для учителя труд — это лишь способ получения денег, а награда за него — «деньги, ещё раз деньги, и ничего, кроме денег», то... То не останется у нас учителей, а значит, не будет ни школ, ни учеников, ни того, что именуют «педагогикой». Прагматическая цель и учитель — вещи несовместимые. Человеком, раздаривающим себя без остатка, называют подлинного учителя, преданного своему делу...

Преодоление

Быть учителем — значит преодолеть. В том числе и «научность, системность, последовательность, проблемность...» — то, знание чего само по себе никогда не сформирует Педагога. Наивно было бы считать, что учитель, как и любой другой, в своём речевом поведении будет сообщать о чём-то без «последовательности». Но знание научных формулировок, не подкреплённых практическими сведениями, своеобразной педагогической мыслью, составленной индуктивно — от факта к его толкованию и педагогически грамотному реагированию, — знание теоретических постулатов превращается в ненужный багаж, от которого студенты

спешат избавиться, едва переступают порог школы. А избавившись, не жалеют об этом.

Как ни кощунственно это звучит, но в наше время, в эпоху поиска приоритетов и ориентиров, *необходима совершенно новая педагогика*: не теория станет базисом её, но и не комиксы; принципы и законы будут выводиться из конкретных фактов, с которыми сталкивались педагоги, своевременно выбросившие старательно заученные в вузе формулировки. На смену педагогической схоластике («научность — это...») придут педагогическая риторика, логика, психология, основанные на фактах и предполагающие иную формулировку, и не вначале, а как вывод: вот это и есть научность.

Педагогическая риторика

Востребованная сегодня педагогика — система ситуаций и практических приёмов, форм речевого и невербального реагирования на них. И пока она не будет создана, рассуждения о законах, принципах и т.д. продолжают пополнять свалки, нарушая экологию не только формой, но и содержанием. И пока мы ищем ответ на вопрос, чему учить в школе, мы будем представлять, как это делать. И поможет в этом педагогическая риторика — искомый синтез практической педагогики, психологии и собственно риторики, т.е. речевого мастерства.

- *Девятиклассники, прагматически вполне состоявшиеся и довольно смирные, избегающие конфликтов, с трудом воспринимали учительницу физики: у неё все аттестованы на каждом уроке, причём в журнале рядом с некоторыми фамилиями — заборы из «единиц» и утиные стаи «двоек». Но было решено поменять учителя — и класс в полном составе атаковал кабинет завуча: «Не хотим никого другого!». Кстати, это уже после нескольких уроков с новой учительницей, избегавшей оценок ниже «четвёрки».*

- *Учитель вместе с родителем-электриком натащил проводов и выключателей: проводку сделали так, чтобы каждый ученик мог сигналом «реагировать» на краткие фронтальные вопросы; проекционная аппаратура опускалась в первые столы по команде с учительского стола, а из электрических игр сделали тренажёры по русскому языку. Заодно установили табло со словарными словами: его выдвигала станция, где на кассете меняющихся планок были вписаны маршруты поездов. Увлечение, с которым весь класс трудился над «электрификацией» своего кабинета, стало потом атрибутом проводившихся там уроков. И как-то незаметно грамотными стали все, не заметив, как выбирали нужные световые сигналы, с трепетом*

ждали решения электрического «контролёра», делали диапозитивы для кодоскопов, сжимали правила для картинок...

- *Заведующий кафедрой русского языка пединститута, прежде водитель-механик и тракторист, менее всего ожидал, что когда-то сядет за докторскую по русскому языку. Но... После того, как перекурил с молодым учителем, а тот, сверля его глазами, заявил: «Это — последняя сигарета. Увижу тебя курящего — тоже продолжу, хоть и мечтаю избавиться», — не только бросил курить, но и... вызвался готовить пятый «а», которым руководил «новенький», к «Зарнице». Потом бегал кросс с пятиклассниками (и не победил в нём). Вместе с их совсем юным наставником мчался на лыжах, помогая классу победить на соревнованиях. Оказался в группе ребят, готовивших сцену дома культуры к конкурсу военной поэзии: писал сценарии, проверял радиорубку, налаживал софиты. А учитель радовался, что именно девятый класс победил в конкурсе, где будущий доктор наук в диалоге с одноклассницей читал стихи. В институте встретил девчонку своей мечты — бывший учитель «благословил» их будущую семью. «Он же во всём копирует тебя! — говорили потом этому учителю об этом ученике. — Так же говорит, те же слова, жесты, интонации!..» И никто не знал, что начиналось стереотипно: «Знаете, где я видал ваш язык?!»*

- *Шестой класс совершает «краеведческий десант» в подмосковную Коломну. С ними — учитель географии, он же основатель школьного геологического музея. И вот после Маринкиной башни, монастырей, ожившей прозы Чаянова отправились в Щурово выискивать будущие экспонаты музея среди отвалов известняка. Привезли столько, что прежнего помещения для музея не хватило.*

● Из краеведческой экспедиции по жаркой пыльной дороге тащили антикварный стул — с затейливыми балясинками и причудливо точеными ножками. Стул — из бывшей усадьбы; потом в ней был интернат, которым руководил воспитанник Макаренко. Потом стул оказался в избе рачительного крестьянина; его сын и передал школьникам. Дубовое чудо тащили по очереди. Когда отчаялись все, учитель подхватил его («Вы по трое, а я и один донесу!») и понес, причём так, что группа его еле догнала. Наконец почувствовал: силы на пределе. Поставил раритет, уселся на него, чтобы передохнуть и решить, что делать дальше. Пока вытирал пот со лба, не заметил, что его уже подхватили прямо на стуле: соскочил и уже со стороны увидел, как ребята, словно обретя новые силы, с остервенением волокут будущий экспонат краеведческого музея.

— На нём будет надпись: «Руками не трогать!» — объяснил, ещё когда торжественно нёс его перед строем. — Сегодня — сколько угодно; вы — единственные, кому можно к нему прикасаться, даже сидеть на нём.

Практическая педагогика

Эти сюжеты — ответ на многие, очень многие вопросы, не имеющие теоретического обоснования. Это часть практической педагогики как системы ситуаций и приёмов, а не формулировок с последующей торжественной утилизацией учебника или предэкзаменационной шпаргалки. «Педагогическая логия», которая неизбежно придёт к учителю, в каждом случае будет исходить из ситуации противостояния, конфликта, из необходимости найти конструктивный выход. Такой конфликт — за каждым из приведённых сюжетов: в первом — учительница метала россыпи единиц и двоек, во втором и третьем учитель искал ответ на страстное нежелание заниматься русским языком, в последнем — сделал всё, чтобы не принуждать тащить тяжеленный стул. А в Коломну отправился класс, мягко говоря, не склонный заниматься географией — до того дня...

Так чему же учить в школе? — Русскому языку, физике, географии. В конечном счёте —

Воспитательная ИДЕОЛОГИЯ

тому, что такое человек во все времена и при всех моделях «человека востребованного».

А как учить? — Исходя из сложившихся интересов и приоритетов школьников. И если талантливого полководца Баркляя де Толли лишили звания главнокомандующего, в имени его «звук чуждый невзлюбя», то и учитель, не ставший «своим», не окажется вправе что-то формировать, создавать, менять. Убедить может только идущий с нами по одной тропе...

На обочине, что была когда-то тротуаром, стояли два пацанёнка и... плевали в медленно проплывавшие автобусы: точнее, увереннее, круче! Вокруг были люди: одни шли рядом, другие ждали очереди ринуться наперерез потоку машин. Все — при деле...

Р-р-раз! — Плевком угодил как раз в стекло, где виднелось чьё-то лицо.

— Слабо?! — Презрительно-лукавый взгляд на другого, а тот ещё не увидел «мишени». «Автор» плевка не смущался: он гордился, он торжествовал, он вызывал приятеля на поединок. А заодно «учил жизни» восхищённо молчавшего рядом, чуть сзади, малыша. Этот как раз думал, «сделать бы жизнь с кого». И кажется, нашёл.

Плевавший не научился смущаться: он упивался свободой, но не когда ты делаешь для другого то, что больше всего хотел бы получить для себя. Обращаться так, как хотел бы, чтобы обращались с тобой. А плюнуть в автобус — словно упивается грохотом собственных рабских цепей, самой возможностью погреть, чтобы кто-то вздрогнул, а кто-то с отвращением закрыл уши руками. Плевки — как колокольчик прокаженного в средневековой Европе: он отпугивал, а люди, услышав его, прятали руки, чтобы не дотрагиваться. И это — свобода?!

Но есть в этом и другое. «Это наша с тобою земля» — выводили мы. «И всё вокруг — моё» — слышали и, бывало, что верили. «Человек проходит, как хозяин...» Было? — Не всегда, и не во всём, но солдаты знали, что охраняют и защищают свой дом, свою мать, свою жизнь. Свой город, страну, которая вот-вот станет своей. Но я смотрю на ребят, плюющих в автобусы, и... понимаю их. Это НЕ ИХ машины мчатся по улице, НЕ ИХ дом строят за углом, ЧУЖОЙ бутик продаёт ЧУЖИЕ вещи. У автобуса тоже есть владелец, автобус — представитель ЧЬИХ-ТО людей — работников и хозяев. И плевок — это отчаяние, созревшее под пёстрым нарядом рабства — мусоропровода, дырка в котором забита неведомо откуда отодранной железякой с надписью «Свобода».

И тоже — ЧУЖАЯ. А если бы пацанята были свободными, разве стали бы они плевать на СВОЙ город, на СВОЮ улицу, в лицо СВОЕМУ другу, хоть и незнакомому, — там, за стеклом?

«Я всегда поступаю по-своему!». Это — огромными буквами, это — ненавязчивый совет «быть самим собой». А теперь представьте, коллега, что вы входите в класс, где этому совету последовал каждый: всегда — и по-своему. «Возвращение к первобытному состоянию!» — выкрикнут критики. Но это неверно: не было строя первобытного, был первобытнообщинный. А всегда и по-своему — это ещё не общинный. Тогда какой? Те, кто наивно полагает, что цель рекламы — приблизить долгожданную власть природы, тоже далеки от истины: человек — существо социальное, не может он всегда и по-своему. А если попробует, придётся раздвигать других, расталкивать, чтобы обрести место поудобнее и поприбыльнее; те же, другие, будут заняты тем же: раздвигать, занимать, обгонять, устранять... И — уже нет общества. Ни «исторической общности», ни просто социума. И каждый — за себя, и каждый — против каждого. Вот что получается, если буквально следовать примеру

длинноногой красавицы, прямо с многочисленных рекламных текстов входящему в подсознание, а значит, становящемуся категорическим императивом. И лишь потом мы понимаем: чтобы разрушить общество, народ, страну, достаточно всегда поступать по-своему. Между прочим, коллега, это и тема для классного часа, и оправдание нашего появления в классе как единственного (это так!) фактора социализации вопреки рекламе, приводящей к разрушению общества, это разрушение осуществляющей непосредственно. «Если я не за себя, то кто же за меня, но если я только за себя, то зачем я?» — задаётся вопросом литературный герой. Зачем я? — Мы с вами уже ответили на этот вопрос, но теперь ответ пополняется новым смыслом: чтобы сохранить детство, чтобы сохранить жизнь. В конечном счёте, чтобы сохранить Россию.

Для кого? — Вопрос кажется кощунственным. Может, для тех двух, а по неофициальным данным, пяти миллионов беспризорников, от которых родина отвернулась, о которых она вспоминает лишь для того, чтобы выгнать из подвала, разогнать притон, выкинуть из вагона? Для тех, чья жизнь исчерпывается формулой «родиться — спиться — умереть», разбавляемой безуспешными поисками работы? Или... Вот на тротуаре, на единственном сухом после дождя месте, прижавшись к дому, стоит роскошный автовнедорожник. Обойти — только по воде, по проезжей части. Вместо номеров авто — на синей металлической планке, металлическими же буквами: «Костян»...

Готовить к жизни вопреки всему

Учителю предстоит снова плыть вопреки: попытаться, когда ни сил, ни здоровья, ни надежд, спасти Россию от Костянов, Толянов, шестёрок и паханов, от карманников и чиновников. От рекламы, от «всегда по-своему», от одичания и попытки самооправдания — барахтаясь

в луже: «Танки грязи не боятся!». Как спасти? — Формированием нового поколения и пониманием того, что с нами произошло.

Культура без силы — заведомое поражение, а сила без культуры — катастрофа. Вот именно это, второе, происходит сейчас в России, где она, сила без культуры, объявлена объектом преклонения и предметом зависти тех, кто и без того в школьном учителе видит назойливую муху, своим гудением мешающую «жить как все».

Кстати, много новых фильмов вы видели о творцах и служителях культуры? И много раз они появлялись в рекламе с заведомо положительным подтекстом?

Успеху, измеряемому в единицах, пусть для нас и довольно условных, школа не учит. Но как тут быть? Она, школа, должна готовит к жизни, в каких бы обличьях та себя ни предъявляла: адаптивность — условие и успеха, и здоровья, и самореализации. Готовить к жизни, какие бы песни ни звучали, какие бы učinённые неведомо кем и для кого правила ни раскачивали утлую лодку агонизирующей страны. Может ли в этих условиях существовать лучший наставник для молодёжи, чем тот, кого «засосала опасная трясына», чтобы на практике помог освоить то, с чем юным ещё предстоит столкнуться? *Дроньч* или *Костян*, чьё имя вместо номера красуется на крутой тачаре, *Вован*, который, по словам незадачливой супруги, *работает пастухом в Москве: телок пасёт на Тверской?* А учителю, изнемогающему под тяжестью томов Толстого или наглядных пособий по ботанике, предоставлена одна роль — этого самого наглядного пособия по ботанике, т.е. воспитателя школьных добродетелей, которые никому и никогда не окажутся нужными.

Так чему учить в школе?

Уступать дорогу? — *Век трассы не видеть*, как божатся байкеры и, наверное, «ночные бабочки», имеющие все основания, чтобы относиться к учителям в лучшем случае как к нищим.

Уважать старших? — А за что, если не могут ни *намылить бабло*, ни *грузануть*?

Воспитательная ИДЕОЛОГИЯ

Книжки добрые любить? — «*Пусть дураки читают!*» — заявляет 25-летний главный редактор журнала, не прочитавший, по его словам, ни одной.

С детства дружбой дорожить? — «*Или ты, или тебя*», — со знанием дела учит тинейджер *шнурков*, которые, как на грех, сегодня оказались в стакане.

И воспитанными быть? — «*Лох — это судьба*», — цитируя надпись на заборе, отвечает студент на вопрос, что он считает девизом будущего школьного учителя.

Кстати, этот афоризм припомнился ещё в одной ситуации.

Тротуар, причём широкий. Но справа и слева — грязь. Навстречу мне — молодые мамы с колясками — четыре, единым фронтом, неторопливо. Сияет солнышко, весело щебечут дамочки, ещё вчера девочки с бантиками.

Приближаюсь (угораздило же!) — никакой реакции. Останавливаюсь. Все четыре тоже замирают как по команде, продолжая жизнерадостно общаться и «забив» на всё происходящее вокруг. Молчу.

Наконец одна поворачивается ко мне:

— *Пройти дадите наконец?*

Оторопь проходит не сразу. Но — слышу себя словно со стороны:

— *Тротуар достаточно широк, чтобы мне не прыгать в грязь.*

— *Так мы что, детей должны возить по грязи?* — *Молодое создание не взяло в толк, что достаточно было одной притормозить — тротуара хватило бы на трёх других и на то, чтобы разминуться с прохожими.*

— Кто грязи боится, по тротуарам не ходит, — резонно и вполне миролюбиво сообщает одна из мам.

Отстать, чтобы пропустить кого-то?! — Не дождёте: непопулярно это сегодня. А если кто-то, чертыхаясь под грузом когда-то полученного «воспитания», обходит, балансируя, по грязи, — пусть упрётся глазами в надпись, претендующую на откровение: «Лох — это судьба». И вспомнит, что встретившийся несокрушимый фронт молодых мам — плоть от плоти нынешней школы. Если даже вчерашней, — всё равно нынешней.

А впрочем, это так, частный случай...

Или — в целом свободное «я», которое так и не стало свободным?

Эти картинки с натуры и непридуманные суждения «успешных» или претендующих на успех предполагают вывод, что эра высоких технологий, как это ни парадоксально, привела к индивидуализации и одичанию, а способности компьютера и рыночные технологии оказались протезами, призванными заменить наши дряхлеющие мозги и атрофирующуюся совесть, которая никак не хочет вписываться в историю «зарабатывания денег».

Быть человеком

Так чему мы будем учить в школе? Во все времена актуальным оказывался ответ: «Быть человеком». В Античности его идеалом был философ; реже — воин. В Средние века — богослов. И рыцарь, с культом розы и креста, преклонявший колена перед образом Прекрасной Дамы. В эпоху Возрождения — художник. Потом — энциклопедист. Ещё позднее — герой, защитник. А что предполагает сегодня в качестве своего идеального воплощения понятие «человек»? На этот вопрос ответа нет, а сколько ни будем мы пытаться назвать героями кого-

либо из «звёздных» людей последних 15–20 лет, — с понятием героя они имеют связь весьма относительную...

Дабы противостоять психопрограммирующим «вирусам», тотальному зомбированию, как части катастрофы, обрушившейся на Россию, надо уметь эти вирусы распознавать. Это во-первых. Во-вторых, понимать, что их смысл — разрушение, внедрение дебилизирующих, и даже сводящих личностное к животному «ценностей», ведущих человека и общество напрямик к самоуничтожению. В-третьих, зомбирующее заражение, вполне целенаправленное, можно купировать, лишь если мы имеем представление как о нём самом, так и о способах его преодолеть. А значит, сами владеем методиками нейролингвистического программирования, восходящими к риторическим формам профессиональной самоактуализации.

Часто мы оглушённо молчим либо можем лишь пробубнить подавленно: «Какая невоспитанность!». Между тем риторика учит поступать с точностью до наоборот. И потому, что наша постоянная растерянность, возведённая в принцип, — это медленное самоубийство; и потому, что никакой невоспитанности нет. Те, чьи поступки мы готовы подвергать осуждению, воспитаны — были. И обучены — тоже были. Но не там и не тому, что могло бы помочь им жить в нашем зомбируемом обществе.

Итак, новый цивилизационный виток — против учителя. Как против художника, вообще против всех, кто пытается размышлять, учить, исследовать. Между тем необходимо преодолеть высокомерное «учитель должен» на лицах родителей и на страницах методичек, в директивах чиновников, ни разу не вспомнивших, что кто-то должен и учителю, если не хочет, чтобы окончательная катастрофа, сдерживаемая его, учителя, альтруистскими стараниями, состоялась в стране. Всё ещё — стране, в которой и за Пересвета, и за Кутузова сегодня только учитель. «Несостоявшийся» и «беспрайсовый».

Высокие слова — неизменный показатель отсутствия мыслей.

Между тем учителя, школу, а значит, и страну, в этой школе формирующуюся, нужно спасать. Оглядимся вокруг: недавнее «Чему вас только в школе учат?» с дворовых скамеек сменилось учительским: «Чему мне только в школе учить?». И это, второе, не безобидно: учитель — в растерянности, он представлял государство и отвечал за становление человека, государством востребованного, — сегодня он никого не представляет и не знает, за кого отвечает, хоть по-прежнему кому-то «должен» и перед кем-то «обязан», как утверждают набившие оскомину методички и инструктивные эпистолы. Так чему в школе учить? — Тому, что преодолеть, и тому, как преодолеть. Пока это возможно сделать. *«Нет цели, нет надежд, нет силы?..»* — Эти слова Верхарна примеряют на себя ныне многие, и важно, чтобы на смену *потерянному* поколению не пришло *отчаявшееся*. Нельзя допустить у ребят отчаяния. Не время спрашивать, кто виноват, но нужно решить, что делать. Сегодня. Сейчас.

Воспитательная ИДЕОЛОГИЯ

Напичканные рекламными слоганами о необходимости быть «в команде», быть «самим собой», ребята, лишённые возможности видеть что-либо другое и желания воспринимать пусть и более значимое, но менее броское и субъективное, живут по тем моделям, которые им навязывают психопрограммисты. Только голос учителя окажется противопоставлен тем реалиям, где он будет одинок и где его не услышат. Учителю важно понимать, с чем он борется, чтобы спокойно принять бой, пусть Даллес оказался не только политиком, но и политтехнологом — провидцем, предсказания которого сбываются у нас на глазах, обозначая «грандиозную по своему масштабу трагедию гибели самого непокорного на земле народа», с которым беззастенчиво борется государство, эту доктрину реализующее. Что же касается «естественного отбора», то его мы проходим на стадии эмбрионов, а появившись на свет, человек вправе претендовать на жизнь, а не на отбор... **В.Ш**